

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-438-452

УДК 947

КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОДНИЧЕСТВО/НЕОНАРОДНИЧЕСТВО XIX–XX ВЕКОВ: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМА НЕРЕАЛИЗОВАННОСТИ ПОТЕНЦИАЛА И АКТУАЛЬНОСТЬ ИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ СЕГОДНЯ»

Аннотация

На обсуждение участников круглого стола были вынесены три главные проблемы. В чем состоит сущность народничества/неонародничества? Что и почему из потенциала народничества/неонародничества оказалось нереализованным в XIX–XX веках? Можно ли сегодня повторять старую советскую мантру об «идейном крахе народничества»? В чем вам видится актуальность интеллектуального наследия народничества/неонародничества? Как и в каких областях и сферах оно может быть использовано сегодня и завтра? В качестве материала к дискуссии была предложена статья Г.Н. Мокшина «Что такое народничество. Материалы к дискуссии». В ней использованы материалы анкетирования 32 историков-специалистов, которыми сделаны попытки предложить свои формулировки и подходы. В ходе оживленной дискуссии участники обсудили также такие проблемы, как необходимость уточнения понятийного аппарата и наполнения терминов народничество/неонародничество, взаимоотношения народничества/неонародничества и либерализма и различных течений внутри народничества, и пришли к выводу о необходимости продолжения дискуссии.

Ключевые слова: народничество, неонародничество, либерализм, революционное движение, освободительное движение, идейное наследие народничества.

Библиографическое описание для цитирования:

Круглый стол «Народничество/неонародничество XIX–XX веков: сущность, проблема нереализованности потенциала и актуальность их интеллектуального наследия сегодня» // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 2. – С. 438–452. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-438-452.

Круглый стол «Народничество/неонародничество XIX–XX веков: сущность, проблема нереализованности потенциала и актуальность их интеллектуального наследия сегодня» состоялся 26 февраля 2021 года в рамках постоянно действующего семинара «Левые в России: история и общественная память»

(рук. Константин Морозов). В качестве материала к дискуссии была предложена статья Г.Н. Мокшина «Что такое народничество. Материалы к дискуссии»¹. В дискуссии приняли участие: **Рафаэль Амирович Арсланов**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского университета дружбы народов; **Василий Васильевич Зверев**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; **Олег Николаевич Квасов**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова; **Ольга Викторовна Коновалова**, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России; **Михаил Иванович Леонов**, доктор исторических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева; **Ярослав Викторович Леонтьев**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.И. Ломоносова; **Ольга Борисовна Леонтьева**, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева; **Олег Анатольевич Милевский**, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета; **Геннадий Николаевич Мокшин**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета; **Алексей Юрьевич Суслов**, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета. Ведущий **Константин Николаевич Морозов**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Морозов Константин Николаевич. Разговор о сущности, потенциале, судьбах и актуальности интеллектуального наследия народничества/неонародничества нам нужно было начинать давно! Конечно, это будет непростой разговор по многим причинам. Непросто с понятийным аппаратом, который весьма несовершенен. Много еще предстоит исследовать, сформулировать, о многом спорить. Непросто с определением общего и различного у народничества и неонародничества. Очень сложно с противоречивыми направлениями и течениями внутри самих народничества и неонародничества. Неясно даже, можно ли использовать для названия явления оба термина – народничество/неонародничество, или достаточно употреблять один – народничество XIX–XX веков.

¹ Мокшин Г.Н. «Что такое народничество. Материалы к дискуссии». – URL: <http://www.surgpu.ru/nauchnaya-deyatelnost/vestnik-surgpu/vse-nomera/3-66-2020/statya-3/>

А теперь, переходя к своему выступлению по теме, скажу о том, что являлось, на мой взгляд, главным в народничестве и крайне актуально и поныне. Если коротко – это двуединый взгляд на народ, с одной стороны, как на своего рода коллективную личность (а именно создание условий для развития личности и есть главное в социализме!), а с другой – как на субъект исторического творчества, а не как объект воздействия правящих сил и элит. В этом я совершенно согласен с видным эсеровским публицистом М. Вишняком. Не все течения в народничестве и неонародничестве оказались последовательны в следовании этому принципу, но для большинства народнических и эсеровских течений ядро их взглядов было именно таким. И если задуматься о том, как в 1917 году прошел водораздел, разведший по разные стороны баррикад и фронтов гражданской войны социалистов, – это как раз будет комплекс вопросов о личности, о демократии, о том, «социализм для народа или народ для социализма». Именно в ответе на эти вопросы объединились на практике, с одной стороны, эсеры и часть меньшевиков, с другой – большевики с левыми эсерами, частью максималистов, меньшевиков, анархистов.

Из этого взгляда на народ как на субъект исторического творчества и вытекает необходимость правового государства и демократии – одновременно и как необходимого пространства, и как механизма. А все старые и обновляемые концепции «просвещенного абсолютизма», вариации ленинизма и сталинизма (включая и КПРФовские соединения квасного патриотизма с советским социализмом и религией), радикального либерализма «а-ля Гайдар с Чубайсом», системного либерализма «а-ля Греф», нынешнего «скрепного» соединения «нового дворянства» с «глубинным народом», – бесплодны и даже вредны именно оттого, что все они не верят в народ как целое, делают ставку лишь на какую-то часть его, и неважно какую – дворянство, или новое дворянство из силовиков, на пролетариат или на «средний класс».

Конечно, утопические элементы в идеологии и ошибки в практике народничества /неонародничества были. Но они не должны мешать видеть самое главное и самое ценное в них – борьбу за индивидуальность и отстаивание прав свободной личности, самоуправление, демократию и парламентаризм как механизмы и пути достижения социализма, только и способного обеспечить защиту личности от угнетения и эксплуатации. И нельзя, отказываясь от тоталитарных вариантов социализма, отказываться от демократического социализма, фактически «выплескивая вместе с грязной водой и ребенка»!

Я многие годы занимаюсь изучением тех, кого в советское время называли «правые эсеры», и могу уверенно сказать, что, несмотря на некоторый утопический элемент, от большинства действий демократиче-

ской части эсеров по защите политических свобод и прав, от реальной и энергичной работы эсеров по развитию самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной с/х кооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями – была не только огромная практическая польза. Они впервые прокладывали на практике тот путь демократического социализма, на котором позже европейские социал-демократические партии создавали социальное государство. Не утопические элементы их воззрений важны, а именно эта большая практическая работа при верно угаданном ими мировом общественном тренде на стремление обществ, наций, народов, групп и личностей к усилению своей субъектности, расширению пространства свободы и защиты своей индивидуальности.

Мокшин Геннадий Николаевич. За последние 150 лет народничество изучалось в различных контекстах и с разных сторон. Но, к сожалению, универсального ключа, раскрывающего это явление во всей полноте, не существует. А раз ключей требуется много, то их следует классифицировать. Я предлагаю дать определение сущности народничества исходя из его родовых признаков: типа сознания, идеологии и общественного движения.

1. По типу сознания. В основе народнического мировоззрения лежит дихотомия: народ – не народ. Именно сравнение положения работников физического и привилегированного умственного труда позволяло народникам сделать выводы о бедности и угнетении «народа» и необходимости построения социально однородного общества как средства преодоления этой дихотомии.

2. По идеологии. Основа идеологии народничества – демократия и социализм. Историки по-прежнему спорят, что из них первично, но на самом деле эти два понятия связаны «химически». Отсюда следует, что народники – это социальные (а не крестьянские) демократы.

3. По движению. Основная социальная база народничества – дворянско-разночинная интеллигенция, которая видела смысл своего существования в служении народу, т. е. народничество – это еще и способ самоидентификации пореформенной русской интеллигенции.

Это три взаимодополняющие ипостаси народнического радикализма, лежащего в основе отстаиваемой народниками доктрины или модели общественных преобразований страны.

Леонов Михаил Иванович. К концу XIX века народничество переживало трудные времена. Пришла мода на марксизм, имя «народник» воспринималось эксплицитно отрицательно; большая часть радикально настроенных народников предпочитала именовать себя иначе. Наиболее

значимым в народничестве этого времени было эсеровское направление. Интеллигентское в момент своего становления, оно состояло из возрастных представителей народнических организации 70–80-х годов XIX века и учащейся молодежи. Это обстоятельство в значительной мере определяло его ментальность.

Эсеровская доктрина интегрировала семантику идеологической модели народничества и марксизма, преимущественно бернштейнианской парадигмы, согласно которой определяющим фактором российской действительности являлся капитализм, формирующий предпосылки социалистического общества в городе, в промышленности, и разрушительно, «отрицательно» проявлял себя в сельском хозяйстве, в деревне, где предпосылки социализма создавались в ходе эволюции трудового, «некапиталистического» хозяйства. Признавалось, что социалистическое общество должно быть подготовлено необходимым уровнем концентрации производства. Эсеровское учение констатировало дифференциацию «народа» на пролетариат, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию, равно социалистические по своей социальной природе. Социалистическому обществу, отмечалось в программе эсеров, «в случае надобности будет предшествовать временная диктатура организованного в политическую партию рабочего класса».

В годы первой и второй революций эсеры вовлекли в свои ряды десятки (в 1917 году – сотни) тысяч человек и пользовались сочувствием и поддержкой миллионов.

Коновалова Ольга Викторовна. Появление народничества в России носит закономерный характер и связано с предыдущими этапами развития общественно-политического движения и модернизационными процессами в стране. В народничестве и неонародничестве проявился определенный симбиоз западноевропейских и почвеннических идей, вылившийся в идеи «крестьянского социализма» и «некапиталистического пути развития страны», практику «хождения в народ» и политический терроризм. Рациональный отказ значительной части интеллигенции от религиозного концепта в мировоззренческих установках не привел к изменению типа сознания, религиозного по своей сути, основанного на иррациональной приверженности к вере. Это проявилось в экстраполяции веры в Бога, Царя в веру в народ, крестьянство, социализм, революцию, а в последующем – в демократию. При этом общечеловеческие нравственные, религиозные по своей природе ценности утрачивали свой смысл.

В конце XIX – начале XX века на авансцену выходит эсерство, ведущим идеологом и теоретиком которого становится В.М. Чернов. Еще в 1890-е годы он приступил к систематизации научных работ своих

предшественников, особенно подчеркивая научное значение субъективной школы русской социологии для развития общественной мысли. По мнению Чернова, ей удалось нащупать новые ориентиры обществоведческого знания: представление о человеке как целостном существе, об относительности понятия «прогресс», признании единства и целостности исторического процесса, тем самым на несколько десятилетий предвосхитив известные положения французской школы «Анналов».

Опираясь на труды предшественников, Чернов обосновал оригинальные концепции о типах капитализма и рабочем классе, предвосхитил расстановку социально-классовых сил в обществе накануне и в период революции. Следует подчеркнуть, что, хотя на построения Чернова оказывали значительное влияние метафизические догмы как марксизма, так и народничества, многое он пересмотрел в годы революции, Гражданской войны и последующей эмиграции.

Зверев Василий Васильевич. Определить главные и характерные черты русского народничества требуется как для выявления его мировоззренческой основы, так и для понимания неугасающей актуальности тех идей, которые были высказаны еще в XIX веке, но находят отклик и в настоящее время.

В своей классификации Геннадий Николаевич Мокшин во многом прав, говоря о присущей народничеству дихотомии. Противоположение таких понятий, как «народ» – «ненарод», «демократия» – «социализм», действительно являлось предметом серьезных и принципиальных дискуссий среди народников. Нюансы ожесточенных споров, без всякого сомнения, важны и значимы, но боюсь, если мы уйдем в «анатомию» вопроса, то можем упустить из виду более широкий контекст.

Народничество пыталось ответить на вопросы, которые волновали всё интеллектуальное русское сообщество. Некоторые из них были инициированы народническими идеологами. Первый из них «Что есть прогресс?». Его постановка – заслуга А.И. Герцена, а детальная разработка сделана П.А. Лавровым и Н.К. Михайловским. Ответ был столько же очевиден, как и востребован: прогресс обязан состоять в развитии личности, в реализации на практике ее лучших качеств. В связи с этим прогрессивным признавалось только такое общество, которое могло обеспечить данную эволюцию. В вопросе о том, что требуется изменить: существовавшее социальное устройство или человека, народники расходились, что и порождало наличие в их среде сторонников революционных и реформаторских действий.

Второй вопрос – будущее России, ее место в грядущем мире. Принимая и разделяя в целом идею общности человеческой цивилизации, народники чутко улавливали и принципиальные различия, которые свойственны

народу и стране, начиная от природно-климатических условий, заканчивая принципами существования и мировоззрения основной массы населения, трудового народа, выразителем интересов которого и считали себя народники. Такой подход вел к выработке альтернативного варианта развития страны. Главной и отличительной его чертой стало неприятие капитализма и порождаемых им капиталистических отношений. Не все народники были социалистами, но все они были противниками рыночной вакханалии и превращения людей в бессловесный придаток машинного производства. В равной степени для народников была неприемлема и либеральная доктрина как квинтэссенция капиталистической модели общественного устройства.

И, наконец, третий вопрос – об участии отечественной интеллигенции в развитии страны. Субъективно считая себя выразителем жизненных интересов и умонастроений людей труда, народническая интеллигенция разрабатывала собственные модели некапиталистической эволюции, постепенной адаптации большинства населения к условиям модернизации страны. В них антикапиталистический пафос сочетался с защитой основ традиционного общества, а утопические в своей основе социалистические идеи – с конкретными предложениями реформирования экономики, социальной и политической сфер жизни страны.

Народничество представляло собой хотя и противоречивую, но достаточно устойчивую научную доктрину, сформировавшуюся под влиянием критического осмысления научных новаций, шедших с Запада, но получивших в России новое звучание. В идеологическом отношении народнические идеи в прошлом и настоящем характерны для стран с преимущественно аграрным характером экономики в период перехода к индустриальной стадии развития.

Мидевский Олег Анатольевич. Мой подход к определению народничества и выделению главных его составляющих в целом совпадает с позицией В.В. Зверева. Я определяю народничество как «научную доктрину, идеологию и общественно-политическое движение демократической интеллигенции в России во второй половине XIX века, имеющую антикапиталистическую направленность, выступающую против разрушения основ традиционного общества и представляющую собой попытку выработать национальную модель некапиталистического развития страны и постепенной адаптации большинства ее населения к условиям модернизации».

При этом я убежден, что своего столь впечатляющего идейно-политического воздействия на российское общество народничество достигло только благодаря активной наступательной деятельности его революционного (боевого) крыла. В ином случае народничество как теоретическая и

идеологическая доктрина могло остаться уделом небольшой группы политических мыслителей и интеллектуалов, и не более того. Конечно, и сегодня актуальны социально-экономические наработки, оставленные его теоретиками, – в первую очередь, конечно, идеи анархизма, но и различные направления реформаторского народничества (Михайловский, Воронцов, Кривенко и др.). Но влияние и тех и других на общественное сознание было многократно усилено именно деятельностью революционеров-народников, начиная с участников «хождения в народ», первыми попытавшихся на практике реализовать теоретически провозглашенные идеи.

Явно недооцененным в интеллектуальном народничестве наследии остается и его демократизм. Именно в демократизме, гордом, особенно в условиях самодержавной России, порыве к свободе личности черпали свою силу и определенная часть творческой интеллигенции, и будущие поколения народников. Этот порыв к свободе нашел свое законченное выражение в идее политической борьбы, четко сформулированной «Народной волей».

Не этого ли желало российское мыслящее общество в тот исторический момент? И не отсюда ли весьма лояльное, если не одобрительное, отношение к действиям народовольцев со стороны многих деятелей русской культуры. Многие из них именно в революционерах-народовольцах видели реальных воплощений идеи освобождения нации от политического рабства. Именно эта идея и стала неким связующим звеном между революционным крылом и представителями реформаторских кругов народничества. Таким образом, именно недооцененный историками политический реализм народовольцев, бескорыстный порыв к обретению российским обществом гражданской свободы, впервые отчетливо озвученный политической организацией, подавшей пример невероятного самопожертвования при достижении этой цели, и является одним из важнейших достижений народничества.

Арсланов Рафаэль Амирович. О возможности достижения консенсуса народничества и либерализма. В общественном сознании и историографии доминирует идея некой обусловленности разрыва между либерализмом, отстаивающим идею свободы личности, и народническими течениями, пытающимися сформулировать и защитить интересы основной массы населения, что предопределило историческое поражение в начале XX века и тех и других. Более того, по мнению И.К. Пантина, «...невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих в России тенденций деформировала и демократическую и либеральную идеологию».

Но так ли «беспросветно» складывались отношения демократизма и либерализма в пореформенной России? Приведу примеры соприкоснове-

ния их взглядов, свидетельствующие о возможности достижения хотя бы идейного консенсуса.

Отношение к народу демократов пореформенной эпохи определялось теорией П.А. Лаврова об историческом долге интеллигенции перед трудовым народом. Но и «кающаяся» часть либерального дворянства, пытаясь «замолить грехи» своих предков, пыталась помочь народу. Так складывался единый нравственный императив русской пореформенной интеллигенции, а идея служения народу создавала почву для сближения ее различных направлений.

Многих демократов и либералов сближало отношение к интеллигенции. Правда, либералы хотя и видели в ней основной, наряду с государством, субъект модернизации страны, но отказывали ей в роли спасителя народа от социальной несправедливости.

После трагического опыта 1870-х годов часть народнической интеллигенции начинает избавляться от созданных ею же мифов о «мужике-социалисте по инстинкту», всё больше осознавать значение политической свободы для преодоления пропасти, существующей между интеллигенцией и народом. С другой стороны, с наступлением реакции 1880-х годов часть либералов утрачивает веру в реформаторский потенциал самодержавия и, продолжая отстаивать идею эволюционного развития страны, делает ставку на расширение прав и свобод. Кроме того, она всё более осознает взаимозависимость между экономическим положением народа и установлением политической свободы в стране.

Идея свободы личности, хотя и имела различные теоретические истоки, также сближала значительную часть демократической и либеральной интеллигенции. Согласно представлениям теоретиков народничества (П.А. Лавров, Н.К. Михайловский), именно «критически мыслящая личность» являлась двигателем прогресса. Само же движение общества к социальной справедливости и демократии определялось не подчинением коллективу частных интересов, а обеспечением свободы и всестороннего развития личности. В свободе и развитии личности видели «основное движущее начало истории» и российские либералы. Вместе с тем, в отличие от представителей ортодоксального либерализма, национально мыслящие отечественные либералы (например, К.Д. Кавелин) на первый план в условиях России выдвигали не столько права и свободу личности, сколько ее невыявленность, несформированность. Главную же задачу интеллигенции они видели в созидании личности, связывая с ним всестороннее развитие общества.

Таким образом, свобода и развитие личности, невозможное, по мнению оппозиционной части интеллигенции, без обеспечения гражданских прав и просвещения народа, становились идейной основой либерально-демократического синтеза.

Народническую и либеральную интеллигенцию сближало также негативное отношение к русскому капитализму, антибуржуазность не только их взглядов, но и мироощущения. Более того, часть либералов признавала историческую обоснованность социалистического взгляда на общество. Кроме того, крестьянская община, служившая основой социальных построений народников, поддерживалась и защищалась теоретиками русского национального либерализма.

Квасов Олег Николаевич. Народничество – это российская разновидность утопического социализма, которая представляла собой национальную версию революционного построения «справедливого общества» достатка и демократии. Под влиянием обстоятельств политической борьбы народничество постоянно менялось, а на особенности развития движения влиял целый комплекс факторов.

В первую очередь собственно идеология «крестьянского социализма», сочетавшая в себе все классические ценности общины, которые были интерпретированы народниками как ценности грядущего общества. Вынужденная переоценка революционной сущности крестьянского мировоззрения заставила народников расширять свою социальную базу, но акцент на крестьянстве народники сохраняли на протяжении всего своего существования.

Вторым фактором являлся социально-политический идеализм и субъективизм. Это проявилось в широком диапазоне порождаемых народниками идей и в партийной свободе, присущей всем народническим группам и организациям.

В-третьих, критическое осмысление процессов модернизации и их актуальное осознание российским обществом и интеллигенцией. Обоснованная критика «язв капитализма» сочеталась у народников с неприятием разложения традиционного общества и сопротивлением столыпинской аграрной реформе.

В-четвертых, огромную роль в развитии всего российского освободительного движения сыграл сформировавшийся комплекс революционной морали и ценностей (революционный этос), в котором культивировались жертвенность, альтруизм, долг интеллигенции перед народом и т. д.

В-пятых, политическое бесправие народа, абсолютизм власти и репрессивность режима порождали бескомпромиссность борьбы, политический экстремизм и взаимно раскручиваемую «воронку насилия». Это соседствовало с отсутствием политической культуры населения и согласительных общественных начал, порождавших партийный волюнтаризм, ограничивавший средства и формы политической борьбы и буквально толкавший народничество, как и всё революционное движение, к экстремизму.

Значимость и первостепенность этих факторов понималась народниками по-разному, чем, собственно, и объясняется многообразие течений и направлений в этом движении, длительность его развития и существования, широкий спектр практикуемых народниками средств, методов и способов политической борьбы. «Идейный крах народничества», по всей видимости, естествен и закономерен, как разложение и деформация любой революционной идеологии. Придя к власти, под спудом действительности и политической целесообразности вчерашние революционеры обязательно превращаются в государственников и циничных политиков. В противном случае они вынуждены уступить место более радикальным силам. Что, собственно, события 1917 года и подтвердили.

Леонтьева Ольга Борисовна. В выступлениях коллег, определявших сущность народничества, звучали слова «движение», «идеология», «научная доктрина». На мой взгляд, народничество можно определить как мировоззрение, в основе которого лежали определенные ценности – благо народа, народная Правда, долг перед народом. Именно это объединяло революционеров-террористов, экономистов и публицистов, сельских учителей и земских статистиков, давая им возможность ощущать себя участниками общего дела. Частью этого мировоззрения была научная доктрина народничества.

В наши дни исследователи говорят о когнитивном повороте в гуманитаристике. Разве не о таком синтезе наук мечтал Н.К. Михайловский, когда в своих очерках о «героях» и «толпе» привлекал данные многих наук – зоологии, психологии, психиатрии, криминалистики, истории – для исследования природы массовых движений, коллективного подражания в человеческом обществе? Его задачей было создание интегративной картины мира, «системь», которая вобрала бы в себя сведения и познавательные приемы многих наук. В наше время, с возрастанием научной специализации и дроблением научной картины мира, эта задача стоит еще острее, чем во второй половине XIX века.

Актуальными представляются и размышления Михайловского о субъекте познания. Современная наука отходит от классических представлений об объективности познания как о полном устранении субъекта, о его «прозрачности». В гуманитарных науках утверждается представление, что субъект познания всегда является носителем ментальности, дискурсивных структур, логики мышления, характерных для его эпохи и социокультурной среды. Это соотносится с «субъективным методом» Михайловского: для него субъектом научного познания является «профан» – специалист в своей узкой сфере, живо интересующийся всеми другими областями знания с общечеловеческой точки зрения, привносящий в науку и свое «пред-

взятое мнение» (социальный опыт), и способность к «сочувственному переживанию».

Таким образом, Михайловский выдвигал программу научного познания, которая не только могла бы объединить разрозненные данные разных наук, но и способствовала бы выработке у человека воли и сознания – качеств, при отсутствии которых люди обращаются в безликую толпу. Эта познавательная программа не теряет своей актуальности и сегодня.

Суслов Алексей Юрьевич. Уже в первые годы своей деятельности в рядах зарубежных эсеров отчетливо обозначились два идейно-политических течения – правое и левоцентристское. Главным их отличием было разное видение перспектив постреволюционной России. Если правые фактически являлись сторонниками буржуазно-либеральной модели общественного развития, то левоцентристы продолжали настаивать на необходимости строительства демократического социализма на российской почве.

Программа ПСР претерпела значительную эволюцию после 1917 года. Правые эсеры всё более склонялись к буржуазно-либеральной модели общественного развития, к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 году. В эмигрантский период своего существования левоцентристы хотя и продолжали настаивать на необходимости строительства демократического социализма на российской почве, но приняли концепцию «смешанной» экономики, подчеркивали значение иностранного капитала в деле восстановления России. Фактически социалисты-революционеры в эмиграции (по крайней мере, большинство пражской группы ПСР на конференции 1931 года) отказывались от лозунга классовой борьбы, предлагая направить ее в «русло культурных форм в рамках законодательства, охватывающего и обеспечивающего все жизненные интересы рабочего класса», что говорит об эволюции ПСР в сторону социал-реформизма и сближения с европейской социал-демократией. Идеологический кризис эсеровской эмиграции отчетливо выразился как в организационных проблемах, так и в невозможности принятия новой партийной программы, несмотря на ряд попыток в 1920–1930-е годы.

Происходивший параллельно процесс эволюции программных установок эсеров в Советской России («Ташкентская платформа» 1930 г.) однозначно свидетельствует о кризисном, переходном этапе в истории российского неонародничества, в котором оно оказалась на рубеже 1920–1930-х годов.

Леонтьев Ярослав Викторович. Я всегда старался отталкиваться от самоидентификации. Поэтому я не согласен с мнением уважаемого Михаила Ивановича Леонова, что неонародники перестали называть себя

народниками. Достаточно вспомнить знаменитый журнал 1912–1914 годов. «Заветы», выходивший под редакцией Я. Вечева (один из псевдонимов Виктора Чернова) и Иванова-Разумника, определявший себя именно как *левонароднический*. В 1918 году существовала и Партия народников-коммунистов, правда, марионеточная по отношению к РКП(б) и карликовая. Позже официально оформился Левонароднический блок. На IV Всероссийском съезде профсоюзов в 1921 году мы видим выступления представителей этого блока, в который входили левые эсеры, эсеры-максималисты и меньшинство ПСР. Чуть позже возникает и Объединение левого народничества, иначе Объединение ПЛСР и Союза эсеров-максималистов. Это было самоназвание политической организации.

Левыми народниками называли их в своих документах и преследовавшие их органы ОГПУ. В анкетах Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев я не раз встречал такую самоидентичность: «левый народник», «народник вне партии». Нужно вспомнить и дело так называемого «Народнического центра» 1933 года, которое ОГПУ шло Иванову-Разумнику, А. Гизетти, Н. Брюлловой-Шаскольской и др.

Идейное своеобразие левого народничества сформулировано в статье видного левоэсеровского теоретика Владимира Трутовского **«Распадение и объединение левого народничества»**: «В России вследствие ее исторических условий и всей социальной обстановки, в течение ближайших к нам десятилетий, народническая идеология была едва ли не самым влиятельным течением общественной мысли. ... у ранних народников, и у Михайловского, и у Лаврова, и у последующих более революционных представителей народничества есть некоторые общие идеи, передающие как идейное наследство “расширяемое и углубляемое” по мере его всестороннего рассмотрения.

Идеи эти: с одной стороны – л и ч н о с т ь как цель и единственный деятель исторического прогресса; в этом смысле русское народничество представляет совершенно своеобразную систему во всем мировом социалистическом движении; второй идеей, вытекающей из первой, является м о р а л ь н о е обоснование социализма, вызывающее борьбу против в с я к о г о угнетателя, эксплуатации и порабощения человеческой личности, каковы бы ни были причины и мотивы такого угнетения; третья идея народничества – понятие народа как совокупности в с е х т р у д я щ и х с я классов, и невыделение каких-либо привилегированных в классовом смысле групп (например, пролетариата); четвертая идея народничества – объединение личности с трудом и творчеством как ее наиболее полным выражением, и, наконец, последняя идея – постоянная актуальность и идейный активизм».

Наконец, в 1990–1992 годах существовало Товарищество социалистов-народников. Одним из авторов его программного документа – Манифеста – был известный историк революционного народничества и эсеров Григорий Семенович Кан. Организация выпускала газету «Революционная Россия», я и сам входил в состав редколлегии. С новыми социалистами-народниками взаимодействовали тогда такие известные историки, как Наталия Михайловна Пирумова и Василий Федорович Антонов.

Примечание редакции

Далее на круглом столе развернулась интереснейшая дискуссия. К сожалению, опубликовать ее полностью мы не можем по соображениям нехватки места, пересказывать же мнения участников «своими словами» не хочется. Для заинтересованных читателей мы нашли решение: вся расшифровка круглого стола без сокращений будет опубликована на сайте ИИИ в приложении к публикации круглого стола.

Статья поступила в редакцию 21.02.2021.

Статья прошла рецензирование 17.06.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-438-452

**POPULISM/NEOPOPULISM
OF THE 19th – 20th CENTURIES:
ESSENCE, THE PROBLEM OF UNFULFILLED
POTENTIAL AND THE RELEVANCE OF THEIR
INTELLECTUAL HERITAGE TODAY**

Abstract

Three main problems were brought up for discussion by the participants of the round table: What is the essence of populism/neo-populism? What potential aspects of populism / neo-populism were unrealized in the 19th-20th centuries and why? Is the old Soviet mantra about the “ideological collapse of populism” relevant today? How do we see the relevance of the intellectual heritage of populism/neo-populism? How and in what areas and spheres can it be used today and tomorrow?

The article by G.N. Mokshina “What is populism?” was offered as material for discussion. The article used materials from a survey of 32 specialist historians, who have attempted to propose their own formulations and approaches. During a lively discussion, the participants also discussed such problems as the need to clarify the conceptual apparatus and expand the terms populism / neo-populism, the relationship between populism / neo-populism and liberalism and various trends within populism, and came to the conclusion that it is necessary to continue the discussion.

Keywords: populism, neo-populism, liberalism, revolutionary movement, liberation movement, ideological heritage of populism.

Bibliographic description for citation:

Round table “Populism/Neopopulism of the 19th–20th Centuries: Essence, the Problem of Unfulfilled Potential and the Relevance of Their Intellectual Heritage Today”. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 2, pp. 438–452. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-438-452.

The article was received on 21.02.2021.

The article was reviewed on 18.06.2021.